Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2025

Ростов Великий
2026

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3(2Рос-4Яро-2)я43
И90

Сборник материалов научной конференции
«История и культура Ростовской земли», выходит с 1991 года

Научный редактор Я. Е. Смирнов

История и культура Ростовской земли. 2025 /
И90 ГМЗ «Ростовский кремль»; науч. ред. Я. Е. Смирнов. — Ростов Великий : ГМЗРК, 2026. – 572 с. : ил.
ISBN 978-5-6046013-3-4

В сборнике опубликованы материалы XXXIV научной конференции «История и культура Ростовской земли», состоявшейся в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль» 5–7 ноября 2025 г.

Издание адресовано научным работникам, исследователям отечественной и региональной истории и культуры, краеведам, преподавателям и студентам гуманитарных специальностей высших учебных заведений.

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3(2Рос-4Яро-2)я43

ISBN 978-5-6046013-3-4

© Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», 2026

Содержание

Парфенов А. Ю. *(Москва).* Еще раз о времени служения святителя Иакова, епископа Ростовского 7

Рубцова М. Л. *(Ростов Великий).* Спасо-Преображенский Княгинин и Яковлевский Зачатьевский монастыри в Ростове как примеры двойных обителей на Руси. Постановка проблемы 13

Ручкина А. Ю. *(Москва).* Функции свидетельств об ароматах в житиях юродивых на примере Жития Исидора Твердислова 24

Черкасова М. С. *(Вологда).* Жалованные грамоты Спасо-Ярославского монастыря XIV–XVII вв. и их особенности 31

Столярова Л. В. *(Москва).* Чем был «венецианский териак», переданный Джеромом Горсеем для царицы Марии Федоровны Нагой в Ярославле, в мае 1591 г.? 43

Иванов Л. М. *(Рыбинск).* Рыбная слобода — малый город Московского царства XVI–XVII вв. 64

Сергеев А. В. *(Санкт-Петербург).* Землевладение членов Государева двора в Ярославском уезде в 1620-х гг. 80

Мельник А. Г. *(Ростов Великий).* Митрополичьи кельи на сушилках, погребах и ледниках Ростовского кремля 99

Никитина Т. Л. *(Ростов Великий).* Художественная жесть в интерьерах церквей ростовского митрополита Ионы 117

Горбачевский Е. А. *(Москва).* Ростовские дети боярские по материалам разбора 1679 г. 129

Полознев Д. Ф. *(Ярославль).* Ловецкие люди Ярославля XVII в. 150

Стародубов Ю. В. *(Москва).* Круг предполагаемых заказчиков строительства и росписи Спасского храма села Николо Заболотье Тутаевского округа Ярославской области 162

Коновалов В. В. *(Ярославль).* Свт. Димитрий Ростовский и «кризис» приходской школы в конце XVII в. 177

Корзинин А. Л., Бородовский А. И. *(Санкт-Петербург)*. О датировке синодиков Ростовского Успенского собора XVII–XVIII вв. 191

Белова Н. В. *(Ярославль)*. Коллекция изданий гражданской печати XVIII в. Ярославской областной универсальной научной библиотеки имени Н. А. Некрасова: анализ свидетельств бытования экземпляров 202

Букреева О. В. *(Ростов Великий)*. Библиотека Ивана Алексеевича Назимова в коллекции музея-заповедника «Ростовский кремль» 213

Кузнецова О. А. *(Москва)*. Репрезентация городских сцен на изразцах с текстами XVIII–XIX вв. 230

Рубцова М. Л. *(Ростов Великий)*. Вклады почитателей св. Димитрия Ростовского в Спасо-Яковлевский монастырь во второй половине XVIII — начале XIX в. К вопросу о новых именах и атрибуции предметов из собрания музея «Ростовский кремль» 243

Скурат Н. К. *(Москва)*. Преподобный Антоний Оптинский, его семья и Ростов Великий 276

Иванов Л. М., Гожалимова О. С. *(Рыбинск)*. Петр Ильич Гундобин — собиратель древностей Рыбинска 291

Мельник Л. Ю. *(Ростов Великий)*. Рудаковский сад: видовая и сортовая реконструкция помещичьего сада 1880-х гг. 297

Леонов Д. Е. *(Ростов Великий)*. Насельники Ростовского Борисоглебского мужского монастыря во второй половине XIX — начале XX в.: динамика численности, социально-демографические характеристики 315

Грибанова С. Ю. *(Ростов Великий)*. История ростовского купечества второй половины XIX — начала XX в. в зеркале семейных хроник Шелеховых и Деевых 325

Киселев А. В. *(Ростов Великий)*. Повседневная жизнь Ростова в конце XIX — начале XX в.: профессиональная структура (на материалах газеты «Северный край» и ее продолжений 1898–1909 гг.) 342

Лисицына Н. Е. *(Клин).* Предметы крестьянского костюма XIX — начала XX в. из собрания Клинского краеведческого музея 355

Александров Н. М. *(Ярославль).* Ростовский уездный местный комитет Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности о положении в деревне на рубеже XIX–XX вв. и о мерах по ее модернизации 372

Степанов К. А. *(Ростов Великий).* Первая мировая война: поставка ткани для нужд армии из Ростовского уезда Ярославской губернии 385

Грязнова Н. С. *(Ростов Великий).* Реставрация и исследование иконы «Святитель Димитрий Ростовский» XIX в. 396

Нечаева Т. Н., Родионова В. Ю. *(Москва).* Новые открытия в Рублевском музее 407

Кострицкая К. А., Галкина Ж. Б. *(Клин).* Коллекция ручных прялок из фондов Клинского краеведческого музея 421

Панченко И. А. *(Санкт-Петербург).* Образ Ростовской земли в фотографической коллекции Государственного Русского музея 436

Колбасова Т. В. *(Ростов Великий).* Экспедиции Д. А. Ушакова 1920-х гг. и их роль в формировании коллекции древнерусского искусства Ростовского музея 458

Артемичева Е. Г. *(Ростов Великий).* К вопросу о творчестве ведущего ювелира ростовской финифти второй половины XX в. Л. Н. Матаковой 482

Пономаренко С. В. *(Ростов Великий).* Произведения Алексея Гавриловича Пичугина из собрания «Ростовского кремля»: исследование и выявление характерных особенностей 495

Пак В. Ф. *(Ростов Великий).* К вопросу об истоках участия ростовских художников в создании экстерьерных эмалевых икон 515

Рыкунова И. И., Уткин Д. Е. *(Рыбинск – Ростов Великий).* Разведка на территории Михайловского археологического комплекса в 2025 г. 525

Зыков П. Л., Леонтьев А. Е., Торшин Е. Н., Френкель Я. В. *(Санкт-Петербург – Москва – Санкт-Петербург).* Первая церковь Бориса и Глеба в Ростове. Открытие, изучение и результаты исследования 2025 г. 534

Морозов А. Г. *(Ростов Великий).* Ростовская земля и Всероссийский историко-культурный проект «Императорский маршрут» 547

Капков К. Г. *(Сольба).* Издательско-просветительская деятельность научного отдела Николо-Сольбинского женского монастыря Переславской епархии 559

Список сокращений 567

УДК 94(470.316-21)"16":336.2:316.343.4

ЛОВЕЦКИЕ ЛЮДИ ЯРОСЛАВЛЯ XVII В.

Полознев Дмитрий Федорович,
кандидат исторических наук,
г. Ярославль,
E-mail: dpoloznev@mail.ru

Исследование на основе писцовых книг и царских грамот одной из категорий населения Ярославля XVII в. — «ловецких людей» — показывает изменение статуса их общины от промысловой (рыболовной) к привилегированной фискальной группе, сохранявшей автономию вплоть до начала XVIII в. В XVI в. ловцы вышли из посадского тягла для налогового облегчения в юрисдикцию приказа Большого дворца, что вызвало к жизни затяжной конфликт с посадом из-за уклонения от общих налогов.

Ключевые слова: ловецкие люди, Ярославль, XVII век, рыболовный промысел, налогообложение.

THE FISHING PEOPLE OF YAROSLAVL IN THE 17TH CENTURY

Poloznev Dmitry Fedorovich,
Candidate of Historical Sciences,
Yaroslavl,
E-mail: dpoloznev@mail.ru

A study based on scribal books and tsar's charters examines one category of the population of 17th-century Yaroslavl—the «fishing people» («lovetskie lyudi»). It traces the transformation of this community's status from a professional fishing guild into a privileged fiscal group that maintained its autonomy until the early 18th century. In the 16th century, these people exited the township tax jurisdiction for relief and came under the authority of the Chancellery of the Grand Palace, which sparked a protracted conflict with the rest of the township over their avoidance of general taxes.

Keywords: fishing people («lovetskie lyudi»), Yaroslavl, 17th century, fishing trade, taxation.

***

Население средневекового города было весьма неоднородно. Различие категорий жителей требует внимания к истории их происхождения, особенностям статуса, отношениям внутри городской общины и с властями. Так, в Ярославле наряду с посадскими людьми (основной частью жителей)

© Полознев Д. Ф., 2026

встречаются ловецкие люди, или ловецкие крестьяне, — в общем значении «христиане», «жители»; в единственном числе — ловецкий человек. Название указывает на соответствующий род занятий или принадлежность к какой-то однородной общности. Словарь древнерусского языка предлагает несколько объяснений слов «ловец» и «ловецкий». Ловец — это охотник, а также зверолов, птицелов; рыбак. Ловецкий — относящийся к ловцам, рыбной ловле; населенный рыбками; предназначенный для рыбной ловли; связанный с рыбной ловлей; такой, где ловят рыбу; полученный от рыбаков [1, с. 256]. По контексту имеющихся в нашем распоряжении документов видно, что применительно к жителям Ярославля речь идет о лицах, занятых рыбной ловлей, проживавших в городе и, видимо, имевших свою социальную организацию внутри городского сообщества. Иногда по косвенным признакам можно догадываться, что ловцом называли отдельного человека, промышлявшего охотой.

О ловецких людях в составе населения Ярославля кратко сказано в учебном пособии О. Г. Шабровой и О. И. Шабасовой [2, с. 29–31]. Это была особая группа жителей, которая находилась в ведении приказа Большого дворца. Из посада (то есть посадского тягла) она вышла еще при Иване Грозном для облегчения налогов. На протяжении всего XVII в. предпринимались попытки посада вернуть ловцов в общее тягло, которые постоянно срывались. Окончательно вопрос был решен только в 1719 г., когда ловецкие люди были выведены из приказа Большого дворца в связи с его преобразованием в числе других учреждений и уравнены с посадским населением.

Других исследований о ловецких людях Ярославля нам выявить не удалось. Но в последнее время аналогичная тема заявлена в работах Л. М. Иванова по материалам Норской (под Ярославлем), Рыбинской и Борисоглебской рыбных слобод [3–5]. Поскольку само явление — ловецкий промысел, ловецкие слободы, ловецкие люди и проч. — было распространенным, а уклад жизни ловцов и иные обстоятельства их бытования в верховьях Волги были сходны, то соответствующие материалы применимы к описанию ситуации в Ярославле.

В настоящее время известно немного опубликованных источников, позволяющих составить некоторое представление о месте ловецкой общины в городском населении Ярославля.

Так, в Описи Ярославля Осипа Коковинского 1614 г., фрагментарно сохранившейся в составе Перечневой описи города Ярославля 1630 г. [6; 7], сказано, что ловецкие люди были обложены налогом отдельно от посада в размере одной сохи: «А в сошном письме Ярославль [...] по книгам Осиповым [...]. Да ловецких крестьян по отписем же соха» [6, с. 277]. Часть налогов они выплачивали рыбой в приказ Большого дворца: 40 осетров, 20 севрюг, 70 белорыбиц, 300 стерлядей. Позднее этот налог в том же размере не раз был подтвержден. Но стрелецкий хлеб в Стрелецкий приказ и в Костромскую четь ловецкие люди должны были вносить

деньгами [6, с. 285]. На средней Оке и на Белоозере рыбный оброк с ловцов был установлен в середине XVI в. [8, с. 99, 101]. Вероятно, и на Верхней Волге, включая Ярославль, это произошло тогда же, так как соотносится с известиями о времени выхода ловецких людей с посада.

Жалованная грамота 1620 г. об уравнении ловецких крестьян с посадскими ярославскими людьми во всех податях и повинностях [9][1] содержит наиболее подробные сведения об истории ловецких людей. Так, она впервые сообщает об их происхождении. Посадские люди в своем ходатайстве царю, пересказанному в этой грамоте, называют ловцов «старинными посадскими людьми», которые живут на посаде и занимаются теми же промыслами, что и посадские люди. При царях Иване Грозном и Федоре Ивановиче часть посадских людей, которые, видимо, издавна занимались рыболовством, вышла с посада и «заложилась» за Григория и Степана Годуновых («выходили с посаду и закладывалися за Григорья да за Степана Годуновыхъ в ловецкой присуд для легости» [9, с. 451]). По контексту описания следует, что «заклад» был инициативой самих ловецких людей, что указывает на определенную степень субъектности их общины, способной к решительному действию в своих интересах.

Изменение статуса с посадских на ловецких людей в середине — второй половине XVI в. совпадает со временем налоговой реформы в стране. Но какова была связь между этими событиями — неясно. Включение в систему государственного налогообложения (приказ Большого дворца), по словам посадских людей, произошло позднее — уже после кончины Григория и Степана Годуновых, на рубеже XVI–XVII вв. Посадские люди усматривали различие в подведомственности ловецких людей: сначала лично Годуновым, а затем — приказу Большого дворца, который Годуновы, собственно, и возглавляли: Григорий Васильевич в 1584–1597 гг., Степан Васильевич — в 1598–1695 гг. [10, с. 40–41]. Известия грамоты 1645 г., о чем будет сказано далее, наводят на мысль, что

[1] Публиковалась дважды: [Жалованная грамота 1620 г., данная ярославцам на рыбную ловлю] // ЯГВ: ч. неофиц. 1842. № 12. С. 45–48; Жалованная грамота 1620 года «Об уравнении ловецких крестьян, водворившихся в Ярославле, с посадскими ярославскими людьми во всех податях и повинностях» // ЯГВ. 1856. № 47. С. 451–452; № 48. С. б/н, между 457 и 458.
При публикации в ЯГВ двух сходных документов – «Жалованная грамота 1620 года. Об уравнении ловецких крестьян, водворившихся в Ярославле, с посадскими ярославскими людьми во всех податях и повинностях» (1856 г.) и «Жалованная грамота 1648 года. О причислении слобод и крестьян Спаса-Ярославского монастыря к ярославскому посаду и об уравнении их с посадскими людьми в городовых податях и повинностях» (1856–1857 гг.) — были допущены опечатки.
В заголовках к фрагментам грамоты 1648 г. на с. 483, 490 (1856. № 51, 52) написано «Жалованная грамота 1620 года. Об уравнении ловецких крестьян, водворившихся в Ярославле, с посадскими ярославскими людьми во всех податях и повинностях», а в заголовках на с. 3, 11, 20 (1857. № 1–3) — «Жалованная грамота 1648 года. Об уравнении ловецких крестьян, водворившихся в Ярославле, с посадскими ярославскими людьми во всех податях и повинностях».

в управлении ловецкими слободами из центра сочетались как действия лица (руководителя приказа), так и порядки учреждения, не слишком формально и по факту разделенные.

Грамота 1620 г. сообщает также, что в 1608 г. указом царя Василия Шуйского ловецкие люди были возвращены на посад, и подтверждает указанное решение выведением их из подчинения приказу Большого дворца. При этом обязанность платить ранее установленный натуральный оброк в прежнем объеме — 40 осетров, 20 севрюг, 70 белорыбиц, 300 стерлядей — осталась за ловцами в составе общих сборов с посада [9, с. 458]. В Рыбной слободе такой же оброк составлял 30 осетров с третью, 20 белорыбиц и 30 больших, 25 средних и 50 малых стерлядей [11, с. 9]. Жалоба посадских людей на ловцов, как уклоняющихся от общегородских сборов, фиксирует формальное решение центральной власти о налогообложении ловцов вместе с посадом и фактическое его неисполнение последними.

Известны неопубликованные царские грамоты ярославским воеводам о разрешении ярославским посадским людям беспошлинно ловить и провозить красную рыбу к царскому столу 1629 [12] и 1674 [13] гг. Из чего следует, что рыбный оброк платил посад в целом.

Перечневая опись города Ярославля 1630 г. отмечает ловецкие дворы в городских слободах как компактные территории и вновь фиксирует обязанность ловецких людей выполнять рыбные поставки и нести общее городское тягло. При этом плательщиками рыбного оброка названы и посадские, и ловецкие люди [6, с. 15]. Объем рыбного оброка с ловцов был вновь подтвержден, как и в предыдущих документах. Размеры других налоговых сборов на дворы и на торговые места были равно распределены по категориям посадских и ловецких людей в зависимости от их состояния[2]. Вместе с тем, из Описи вполне очевидно следует, что рыбной ловлей занятия ловецких людей отнюдь не ограничивались. Они промышляли ремеслами и торговлей, как и посадские люди. Важно отметить, что рыбному оброку придавалось особое значение. После завершения переписи в марте 1631 г. по царскому указу писцы дополнительно учли рыбные ловли посадских людей, после чего завершенный документ был отправлен в приказ Большого дворца [6, с. 345].

Существенную информацию об истории ловецких людей содержит царская грамота Алексею Михайловичу Львову 1645 г. [14]. За дипломатические заслуги боярин-князь был пожалован «ведати в Ярославле на посаде ловецкими слободами». Он получал право суда и сбора налогов с ловцов («а оброчныя денги с тех слобод имати на него боярина нашего и дворецкого»). От полученных сборов Львов должен был отправлять определенные суммы в приказ Большого дворца. Сохранялся и установленный ранее рыбный оброк. При этом ловецкие люди освобождались от посадского

[2] Впрочем, описание налогообложения ловцов, как и посада, представляет собой самостоятельную исследовательскую задачу, которая в данной статье специально не рассматривается.

тягла: «а опричь рыбы с них на нас никаких доходов не имати, и служеб им тутошних и отъезжих никаких с посадскими людьми не служити».

Вероятно, грамота закрепила фактическое положение дел. Уход ловецких людей с посада за Годуновых в XVI в. мог означать такую же двойственность: уплата части налогов казну и части — Годуновым. Различение в административной принадлежности ловцов царскому приказу и/или должностному лицу — руководителю приказа — видимо, было очень слабым. Так, посадские люди, не очень разбираясь в тонкостях подчинения ловецких слобод московским властям, в своих претензиях к ловцам были озабочены только их участием в общем тягле.

В документе 1645 г. упоминаются недатированная «уставная грамота», названная царем Алексеем Михайловичем «нашей государской», а также выборные представители ловецких людей, которые контролировали сбор судных и таможенных пошлин. Эти факты указывают на давно сложившийся порядок управления ловецкими слободами, которому следовали участники налоговых отношений в середине 1640-х гг. Так, важным знаком давности выступает размер рыбного оброка царскому двору — одинаковый и постоянный на протяжении длительного времени.

Известная публикация важного для истории города источника — переписи Ярославля 1646 г. [15, с. 77–240], как оказалось, не полна. Недавно А. В. Зубатенко выявил ее начало [16][3], которое включает материал о ловецких людях, отмечает дворы и слободы ловецких людей, указывая при этом их подведомственность на тот момент А. М. Львову [16, л. 157 об.], а также содержит указания на события, ранее связанные с отношениями посада и ловцов [16, л. 157 об.], сведения о социальной организации ловецкой общины [16, л. 227–228] и о количестве ловецкого населения города [16, л. 241 об.–242].

Царская грамота 1679 г., касающаяся рыбной ловли в верховьях Волги, определяет места, отведенные для добычи рыбы к царскому столу, также ссылаясь на ранее установленный порядок. Грамота была обращена к тем, кого можно назвать публичными должностными лицами (воеводе, дворянам, детям боярским, бирючам), а также ко всем жителям — «всяких чинов людям и их крестьянам» [17, с. 320–322].

Таким образом, известные источники о ловецких людях, исходящие от органов центральной власти, носят фискальный характер и включают изложение материалов местного происхождения (например, жалобу посадских людей в царской грамоте 1620 г.). В совокупности они рисуют противоречивую картину. Казалось бы, претензии посадских людей к ловецким изложены ясно и определенно: нести общее с горожанами тягло. По царским документам, это требование исполнялось. Однако, по заявлениям самих посадских людей, ловцы не занимались рыбной ловлей,

[3] Рукопись находится в стадии подготовки к публикации, ссылки на нее даются по тексту, предоставленному А. В. Зубатенко. Приношу благодарность коллеге за возможность использовать сведения, которых нет в других источниках.

а вели жизнь, аналогичную другим жителям города. В жалованной грамоте 1620 г. про них прямо сказано: «Живут-де по посаду с ними с посадцкими людьми вместе промеж их посадцких дворов старинные посадцкие ж люди, а с ними оне ни в какие наши доходы не тянут, а называютца оне ловецкими крестьяны для легости. А оне-де люди торговые и ремесленные, а не ловцы, и на нашу рыбную ловлю оне не ездят, окроме наших записных ловцов двадцати человек» [9, с. 451]. Опись 1630 г. полностью подтверждает это, отмечая дворы ловецких людей по всему городу и указывая реальные занятия «ловцов»: торгует, отъезжая у Архангельского города; торгует, отъезжая по торжком; торгует в москотильном ряду; торгует в железном ряду, торгует в подошовном ряду, портной мастер, шапочник, строгальник, сапожник, свечник, кожевник и т. д.

В 1608 г. по грамоте царя Василия Шуйского эти бывшие посадские, а на тот момент ловецкие, люди были возвращены на посад с обязанностью нести посадское тягло наравне с прочими посадскими людьми. Ловцы, казалось бы, с этим согласились: запись о решении была внесена в «податные книги» и скреплена их подписями. Этот факт был проверен по документам приказа Большого дворца и подтвержден. При этом названы имена лиц, подписавших соглашение со стороны ловцов (Степан Иванов сын Кочуров, Пятуня Гаврилов, Русин Васильев сын суконник) и посада (Гаврила Ефимьев сын Мякушкин, Григорий Никитников, Надея Светешников). Но в 1611 г., воспользовавшись новой сумятицей и стремясь сохранить свой прежний налоговый статус, ловцы перешли на сторону Ивана Заруцкого.

В 1620 г. ходатайство посада, вновь направленное на уравнение ловецких людей с посадскими в вопросах налогообложения, казалось бы, было удовлетворено. Рыбным ловцам велено платить подати наравне с посадскими людьми; поставлять рыбу к царскому двору по ранее заведенному порядку; включить ловцов в сошное письмо аналогично с посадом с уточнением объема (68 руб. 32 алт. 2 ден.), не считая ямских и запросных денег; ведать ловецкие слободы не в приказе Большого дворца, а вместе с ярославским посадом.

Но ни к 1620 г., ни позже положение в пользу посада, видимо, не изменилось: «А ныне оне называются ловцами, а с ними с посадцкими людьми ни в какие наши доходы ничего не дают» [9, с. 457–458]. Ловецкие слободы еще долго сохраняли какую-то свою особость. А в описании дел в 1645 г. при пожаловании ярославскими ловецкими слободами боярина князя А. М. Львова [18, с. 218–222] читается не только некоторая предыстория их налогообложения, но и сложившееся фактическое положение, грамотой лишь зафиксированное. Как следует из перечня полномочий, передаваемых А. М. Львову, вопросы управления слободами и внутри ловецких слобод оставались без изменений задолго до выхода этой грамоты.

Источники не отвечают на вопрос о происхождении ловецких людей в Ярославле. В отсутствие прямых известий косвенные свидетельства

указывают, что ловецкая община определенно сложилась внутри города к середине XVI в. как промысловое сообщество. В грамоте 1620 г. изложены слова посадских людей: «А те-де старинные посадцкие люди въ прошлыхъ годехъ, блаженныя памяти при государе царе и великомъ князе Иване Васильевиче всеа Русии и при государе царе и великом князе Феодоре Ивановиче всеа Русии, выходили с посаду и закладывалися за Григорья да за Степана Годуновыхъ въ ловецкой присудъ для легости». К 1614 г., как видно из Описи Коковинского, уже сложилась практика налогообложения ловцов, что указывает на длительный и устойчивый характер их отношений с фискальными властями. К 1620-м гг. документами отмечен ряд компактных поселений ловецких людей по городу, а позднее ловецкими названы целые слободы.

Вполне очевидно, что часть жителей селений на берегах Волги и других рек искони занималась рыболовством — к чему располагал сам уклад жизни у реки. Поэтому установить какое-то точное время начала этого промысла и оформления селений промысловых общин затруднительно. А вот с какого времени рыболовство стало предметом налогообложения, предположить можно. Скорее всего, оно уходит в глубокую древность, не оставившую письменных источников, и относится ко времени княжеского податного освоения заселенных территорий, то есть к XI–XIII вв.

В недатированной грамоте великого князя Ивана Васильевича Спасскому монастырю XV в. упомянуты «слободы» [19], то есть территории особого налогового статуса. Ими могли быть пожалования монастырю местных князей со времени ярославского князя Федора Ростиславича Черного (конец XIII в.), отраженные в самой ранней грамоте 1321 г. [20]. Поскольку столь устойчивое и прибыльное занятие, как рыбная ловля, не могло остаться вне внимания властей, ловецкие поселения, вероятно, попали в число слобод в первую очередь. Косвенно об этом говорит большое число ловецких слобод и дворов в составе города, известных по источникам XVII в., и свидетельства о других ловецких поселениях в окрестностях Ярославля.

Так, занятия рыболовством на Шексне отмечены в грамотах княгини Аграфены Шехонской троицкому игумену Зиновию 1432–1445 гг. [21, с. 82, 83]. Причем в них упоминается сбор пошлин «по старине», что еще более уровняет историю ловецкого промысла. Не позднее 1480-х гг. правительством Ивана III были организованы специализированные ловецкие Рыбная и Борисоглебская слободы на Волге, напротив владений Андрея Большого Углицкого — центров волостей Усть-Шексны и Романова городка. Соседняя с Ярославлем Рыбная слобода упоминается под 1504 г., а Борисоглебская — в 1527–1528 гг. [3, с. 8; 5, с. 12; 11, с. 8]. Самое ранее упоминание ловецких селений на Оке относится к XV в., а известия о промысловой рыбной ловле — к XVI в. [8, с. 4, 46].

Хотя начало промыслового рыболовства уходит в глубокую древность, оформление ловецких слобод как особой податной категории,

видимо, следует связывать с налоговыми реформами середины XVI в. и появлением соответствующих источников, отразивших особые гастрономические запросы царского двора. Они, в свою очередь, послужили стимулом для профессионализации ловецких занятий в таком «рыбном» городе, как Ярославль. Кстати, именно в это время в документах Спасского монастыря появляется прямое указание на покупку рыбы (вероятно, крупными партиями) наряду с другими продуктами [22]. И это при том, что у самого монастыря были обширные рыбные ловли, довольно подробно описанные в царской грамоте 1559 г. [23]. В ней, кроме того, сказано, что ранее рыбная ловля в Волге велась «безграмотно и безоброчно», то есть не облагалась налогами. Когда представителями царской власти была сделана попытка поставить ловли на учет и обложить налогом спасские владения («и те рыбные ловли Григорий Вельяминов по нашему наказу отписал было на меня царя и великаго князя и оброк на те воды метил»), стараниями монастырских властей это решение было отменено.

Таким образом, примерно в середине — второй половине XVI в. оформилось явление, которое можно описать как регулярные промысловые рыболовецкие занятия части населения Ярославля и выделение ловцов в особую податную категорию — территориальную и социальную общность.

При этом любопытно, что рыболовство не было собственно городским делом (таким, как ремесла и торговля), но связь с городом как особой административной и хозяйственной территорией у ловцов сохранялась. Говоря современным языком, наследуя свой хозяйственный уклад (рыболовство), они диверсифицировали промысловые занятия, используя ресурсы торгово-промышленного города. Указание посадских людей в грамоте 1620 г. о том, что ловцы прежде были посадскими, следует понимать как свидетельство недифференцированности традиционных хозяйственных занятий горожан, посадских и ловецких, в прошлом.

Все сторонние наблюдатели (в том числе иностранные путешественники) отмечают рыбное изобилие средневекового Ярославля и окрестностей [24, с. 64, 67, 68, 75, 84, 192, 213, 243, 245, 252]. А рыбная ловля, как следует из документов, была также и делом посада. Остается загадкой, почему ловецкие люди были выделены в особую категорию. Видимо, им удалось найти пути перехода в дворцовую юрисдикцию для снижения налогов. Это, в свою очередь, наводит на предположение о каких-то личных связях и возможностях руководителей общины, которые позволили им привлечь властные ресурсы царского двора.

Среди известных нам источников нет таких, которые были бы посвящены социальной организации ловецкой общины. Однако некоторые свидетельства о ней прослеживаются по фрагментам описаний. Об обособленности ловцов от посада говорит как их название, так и отдельное налогообложение, зафиксированное, по крайней мере, описью 1614 г.

и жалобой посада, отраженной в грамоте 1620 г. В последней сказано о коллективном выходе ловцов «в заклад», что указывает на наличие у них какого-то организующего начала. Там же отмечено письменное соглашение по спорным вопросам — как итог разбирательств между посадом и ловецкими людьми. От ловцов его подписал Степан Иванов сын Кочуров «и все ловетцкие земские целовальники» [9, с. без номера, между пронумерованными страницами 457 и 458]. Упоминается также «другая запись» между ловцами и посадом, где первых представляли «Пятуня Гавриловъ да Русинко Васильевъ сынъ суконникъ и все Кондаковские и Тверицкие и Пищальные слободъ крестьяне» [9, с. без номера, между пронумерованными страницами 457 и 458].

В переписи 1646 г. упомянуты ловецкий земский староста Иван Андреев [16, л. 225)], ловецкая земская изба и ловецкая съезжая изба [16, л. 219 об.] — аналоги соответствующих посадских учреждений, — а также другие объекты административного назначения [16, л. 232 об.–233]. На выборное представительство от ловецких людей указывает эпизод, в котором решение принимал коллектив ловецких старост («...и в прошлом во РКИ (7128, 1619/1620) году по выбору ловецких старост и всех ловецких крестьян...» [16, л. 227 об.]). Ловецкие и посадские администраторы взаимодействовали в вопросах, представлявших общий интерес, что говорит об отдельности и самостоятельности ловецкой общины: «А он, Иван, человек пришлой, взят из-за Троецкого монастыря по общему челобитию ловецких и посадцких людей» [16, л. 225]). Таким образом, политический «вес» ловцов был значительным, хотя численно они уступали посадским людям.

Территориальное обособление ловецких слобод выступает наиболее явным признаком их отдельности от посада не только юридически (прежде всего в связи с налогообложением) и административно, но и физически. Ловецкая улица как отдельное поселение ловцов отмечена в одном из ранних документов — купчей 1617 г. [25], а затем в переписи 1646 г. [16, стб. 194, 197]. Хотя часть ловецких людей жила посреди посадских дворов, перепись 1646 г. называет ловецкими слободами значительные части города. Это слободы: Дропина (Тропина) [16, л. 157 об.], Коровницкая [16, л. 177], Благовещенская [16, л. 187], Петровская [16, л. 196], Кондакова [16, л. 202], Тверицкая [16, л. 184 об.] и Киселюха (иногда называемая улицей) [16, л. 233 об.]. Нетрудно заметить, что поселения ловцов располагались вдоль речных берегов города.

По данным переписей, доля ловецких людей в Ярославле была сравнительно невелика — она в три раза уступала по количеству дворов и людей посадской части. Так, Опись 1630 г. насчитывает в городе 289 ловецких дворов с примерно 1145 жителями [26, с. 56, 59]. В переписи 1646 г. отмечено 907 дворов с 1975 жителями (мужчинами; всего — около 4500 человек) в ловецких слободах, а также еще 15 дворов и 64 бобыльских кельи на церковных землях [16, л. 241 об.–242].

Итак, история ярославских ловецких людей XVII в. представляет собой эволюцию промысловой общины рыбаков в сторону особой фискальной категории, обслуживавшей царский двор: их податной статус сопровождался налоговыми льготами. Изначально положение ловцов, видимо, было связан с реальным рыбным промыслом и службой по поставкам ко двору. Со временем ловецкий статус стал механизмом «налоговой оптимизации», а жители слобод еще занимались торговлей и ремеслами, не связанными с рыболовством. При этом ловецкие слободы и ловецкие дворы сохранялись как административно-территориальные структуры, на которые опиралась социальная организация ловецкой общины.

Не вполне ясным остается вопрос о деталях конфликта посадских и ловецких людей. И те, и другие поставляли ко двору рыбу — она входила в состав их налогов. Общее тягло, согласно царским документам, несли обе общины, хотя посадские люди отрицали участие ловецких. Остается полагать, что документальные свидетельства и фактическое положение дел сильно различались. Так, грамота А. М. Львову 1645 г. освобождает ловцов от посадского тягла — вероятно, тем самым фиксируя фактическое положение дел. Возможно также, что объемы поставок рыбы посадскими людьми были больше, чем ловецкими. Поэтому распределение остального городского тягла, по их представлениям, выглядело несправедливым.

Ограниченность источников не позволяет в должной мере осветить историю ловецких людей Ярославля. Но при большом потенциале их выявления есть уверенность в открытии новых сведений, которые помогут полнее и точнее описать картину жизни значительной части городского населения Ярославля XVII в.

Список источников и литературы

1. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 8. Москва, 1981.
2. *Шаброва О. Г., Шабасова О. И.* Ярославль в XVII веке. Ярославль, 1999.
3. *Иванов Л. М.* Рыбинские монастыри XV–XVII веков: новые источники // Рыбная слобода. Рыбинск, 2022. № 1. С. 7–16.
4. *Иванов Л. М.* Регулирование организации рыбного промысла на Верхней Волге в конце XV–XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Владимир, 2024. (Труды исторического факультета МГУ; вып. 257. Сер. II, Исторические исследования; 178). Вып. 7: Седьмые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Аннотации докладов всероссийской научной конференции с международным участием, Москва — Владимир — Суздаль, 15–17 ноября 2023 г. С. 75.
5. *Иванов Л. М.* «Романовскую историю еще предстоит изучить в деталях...» // Углече поле. 2025. № 35. С. 6–17.
6. Перечневая опись города Ярославля 1630 года // ЯГВ: ч. неофиц. Ярославль, 1861. № 1–45.
7. *Полознев Д. Ф.* Опись Ярославля 1614 года Осипа Коковинского // Ярославль: исследования по истории и культуре города XVII века / Д. Ф. Полознев. Москва, 2025. С. 61–69.

8. *Кочетков С. А.* Рыбаки великих государей: великокняжеские сельские ловецкие сообщества Средней Оки: дворцовый рыбный промысел, судьба, субкультура. Рязань, 2014.

9. Жалованная грамота 1620 года «Об уравнении ловецких крестьян, водворившихся в Ярославле, с посадскими ярославскими людьми во всех податях и повинностях» // ЯГВ. Ярославль, 1856. № 47. С. 451–452; № 48. С. б/н, между 457 и 458.

10. *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: слов.-справ. Москва, 2015.

11. *Головщиков К. Д.* Город Рыбинск, его прошедшее и настоящее. Ярославль, 1890.

12. 1629 г., 27 мая. — Грамота царя Михаила Федоровича ярославскому воеводе Д. В. Лодыгину о разрешении ярославским посадским людям беспошлинно провозить красную рыбу к царскому столу 1629 г., 27 мая // Ярославль XVII — начала XVIII века в фондах Российского государственного архива древних актов: указ. док. Ярославль, 2021. № 39. С. 13.

13. 1674 г., 20 августа. — Грамота царя Алексея Михайловича ярославскому воеводе И. А. Аничкову о беспрепятственной ловле красной рыбы ярославскими посадскими людьми для царского стола // Ярославль XVII — начала XVIII века в фондах Российского государственного архива древних актов: указ. док. Ярославль, 2021. № 187. С. 44.

14. Боярину князю Алексею Михайловичу Львову 1645 года // Древняя российская вивлиофика. Москва, 1790. Т. 15. С. 218–222.

15. Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII века. Ярославль, 1913. (Труды Ярославской ученой архивной комиссии; кн. 6, вып. 3–4).

16. Книга ярославская переписная дворцовых сел, монастырских земель РНД (7154, 1645/46) году // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент (объединение фондов). Ч. 1. Подлинная архива.

17. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. 1645–1676. Санкт-Петербург, 1842.

18. Древняя российская вивлиофика. Т. 15. Москва, 1790.

19. Грамота жалованная князя великого Ивана Васильевича о взятье за перевоз чрез реку Волгу и Которосль со всяких людей по прежнему без измены // Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Москва, 1896. Т. 1. № 6. С. 7–8.

20. Договорная грамота благоверного великого князя Василия Давыдовича с архимандритом Пименом о монастыре и о всяких монастырских людях и об вотчинах не судить и не въезжать никому кроме архимандрита // Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Москва, 1896. Т. 1. № 1. С. 1.

21. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1. Москва, 1952.

22. Грамота жалованная великого князя Ивана Васильевича всея Русии о невзимании во всех городах Московского государства с покупкою на монастырские обиходы разного товару тмаоженных и мытных и всяких пошлин 7064 (1556) году // Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Москва, 1896. Т. 1. № 23. С. 28–29.

23. Грамота жалованная великого князя Ивана Васильевича всея Русии о владении безоброчно рыбными ловлями в монастырской Кормской волости

села Еремейцква по одну сторону Волги в 11 верстах, да в реке Юхти от Волги по обе стороны на полутретье верст 7067 (1559 г.) // Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Москва, 1896. Т. 1. № 25. С. 31–32.

24. *Аграфонов П. Г.* Ярославль и Ярославский край глазами иностранцев, XIII — начало XX века. Ярославль, 2024.

25. 1617 г., декабря 30. — Купчая Арины Прокофьевой дочери, вдовы посадского Василия Васильева сына Конина, игумену ростовского Борисоглебского монастыря Никодиму на двор с постройками на Ловецкой улице в г. Ярославле (Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии. Оп. 20. № 14792/44. 2 л. (подлинник)) // Ярославль XVII — начала XVIII века в фондах Российского государственного архива древних актов: указ. док. / сост. Т. А. Лаптева, Е. Е. Лыкова, Д. Ф. Полознев. Ярославль, 2021. № 15. С. 8.

26. *Полознев Д. Ф.* Численность населения Ярославля по Перечневой описи 1630 года // Ярославль: исследования по истории и культуре города XVII века / Д. Ф. Полознев. Москва, 2025. С. 53–60.